

**А. Смирнов,
А. Сунгуров**

Защита прав человека
и государство: можно ли говорить
о государственных правозащитных
структурах?
(«Государственная правозащита»
или оперуполномоченный
по правам человека)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Smirnov_Sungurov.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

Алексей Смирнов, Александр Сунгуров

Защита прав человека и государство: можно ли говорить о государственных правозащитных структурах? («Государственная правозащита» или оперуполномоченный по правам человека)

Среди многих проблем развития современной России можно выделить комплекс, связанный с разнообразными нарушениями прав человека. Своеобразие современной ситуации заключается в том, что по крайней мере "на бумаге" государство готово брать на себя функции защиты прав человека. При этом задачи защиты прав человека не только возлагаются на уже известные правоохранительные структуры (например, на прокуратуру) но для реализации этих задач создаются и специальные институты, среди которых можно указать, например, институт Уполномоченного по правам человека (Омбудсмана), и комиссии по правам человека.

В этой ситуации возникает вопрос о характере взаимодействия уже существующих правозащитных и других общественных организаций, работающих на правозащитном поле и новых государственных и полу государственных структур, основной задачей которых является также защита прав человека.. Уже накопленный опыт свидетельствует о зачастую конфронтационном характере такого взаимодействия, либо о попытках установить гегемонию одного из участников. Так. властные структуры часто изъявляют готовность взять на себя координацию всей правозащитной деятельности в регионе, что вызывает естественное несогласие лидеров общественных организаций. С другой стороны, иногда правозащитники – общественники отказывают властным структурам в самом праве заниматься правозащитной деятельностью.

Не являются общепринятыми и сами названия этих форм участия власти в защите прав человека, спорным, в частности, является вопрос о возможности использования термина "государственные правозащитные организации". Эта тема была предметом дискуссии авторов настоящей публикации, которая велась с помощью электронной почты весной и летом 2001 г. По мнению авторов, ряд положений этой переписки может представить интерес не только для них самих, но и для более широкой аудитории, что и послужило причиной появления этого текста.

Авторы - ровесники по возрасту, оба после окончания университета занимались биофизикой, один - в Москве, другой - в Ленинграде, однако затем их пути разошлись, чтобы снова пересечься уже в последние годы. Один - А.Смирнов, был участником правозащитного движения 70-80-ых годов, был осужден и провел несколько лет в лагерях, второй - А.Сунгуров - продолжал заниматься биофизикой и радиобиологией вплоть до горбачевского времени, когда он стал одним из активных участников Ленинградского клуба "Перестройка".

В начале 90-х годов он был депутатом Ленсовета, одним из лидеров Демократической партии России, а начиная с 1994 г. является президентом Санкт-Петербургской общественной организации Гуманитарно-политологический центр. СТРАТЕГИЯ, одной из программ которой является развитие института Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в субъектах Российской Федерации.

Алексей Смирнов в конце 80-х - начале 90-х годов был координатором Московской Хельсинкской Группы, подготовил и провел первую международную Конференцию по правам человека с общим отчетом о нарушениях прав человека, создал крупнейший ресурсный

центр - ассоциацию правозащитных организаций Московский исследовательский Центр по правам человека, разработал и стартовал ряд таких базовых правозащитных программ как "Общественная Приемная", "Правозащитная Сеть" и т.д. В январе 2001 г. А. Смирнов предложил создать Группу изучения современного правозащитного движения, текст этого выступления был затем размещен в материалах веб-сайте "Права человека в России" и на текущем Конгрессе - (<http://www.sakharov-congress-hall.ru/sc2/session/viewarticle.xtмл?id=108&sn=2>; сокращенный вариант - см. журнал "Правозащитник" № 1, 2001). А. Сунгуров поддержал эту идею, и с тех пор завязалась наша переписка и дискуссия. В январе 2001 г. А.Смирнов выступил на Первом общероссийском съезде правозащитников с концепцией создания истории современного правозащитного движения, текст этого выступления был затем размещен в материалах веб-сайте «Права человека в России» [Леша, дай сноску]. А.Сунгуров поддержал эту идею, и с тех пор завязалась наша переписка и дискуссия. Одной из тем этой дискуссии стало использование А.Сунгуровым термина «государственный правозащитный институт»

И А.Смирнов и А.Сунгуров участвовали во работе состоявшегося под эгидой Совета Европы 16-18 июня 2001 г. в г. Саратове 3-го «Круглого стола» Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ». Специально для этой встречи А.Сунгуровым был подготовлен небольшой информационный текст «Государственные институты защиты прав человека», в котором в сжатой форме приведены положения, вызвавшие возражения А.Смирнова. Приведем этот текст полностью, а далее — наиболее важные фрагменты из последующей дискуссии.

Александр Сунгуров. Государственные институты защиты прав человека.

Хотя для большинства жителей России термин "Уполномоченный по правам человека", равно как и слово Омбудсман, все еще является определенной экзотикой, все же десятки тысяч человека, обратившиеся за помощью в офисы Федерального или одного из тринадцати региональных Уполномоченных, уже знают о наличие этого института внесудебной защиты жителей России. Специалисты же в области государственного управления, юристы и политологи, как правило, уже слышали о институте Уполномоченного как одной из разновидностей института Омбудсмана, распространенного уже более чем в ста странах мира.

Темой настоящих тезисов является государственная структура, также имеющая непосредственное отношение к защите прав человека, но носящая несколько иное название - Государственный (национальный)¹ институт развития и защиты прав человека. Что же такое - этот институт, отличается ли он от уже относительно знакомого института Омбудсмана, а если отличается, то чем? Наконец, как соотносятся эти национальные институты с такими структурами, появившимися в последние годы в России, как Комиссии по правам человека при Президенте РФ и при главах администраций субъектов РФ?

История развития. обсуждаемых институтов

По-видимому, впервые, термин Государственный институт развития и защиты прав человека был определен в резолюции заседания Комиссии по правам человека ООН, которое состоялось в марте 1992 года в Париже. В этой резолюции были четко сформулированы Принципы, относящиеся к статусу обсуждаемых Государственных институтов. Эти принципы, получившие по месту их принятия название "Парижские принципы", и стали базовыми критериями для описания Государственных институтов прав человека.

В соответствии с этими принципами, Государственные институты по правам человека должны:

- быть созданы парламентом, согласно закону или иному нормативному акту
- быть облечены полномочиями содействовать развитию и защищать права человека
- обладать реальной независимостью, в частности, благодаря представительству различных сил гражданского общества.

Год спустя, в 1993 г., Всемирная конференции по правам человека в Вене в 1993 году отметила "важную и конструктивную роль, которую играют государственные институты по развитию и защите прав человека, в частности, по оказанию консультативной помощи компетентным инстанциям, а также по оказании противодействия нарушениям прав человека, в правовом информировании и воспитании".

---

¹ На английском языке эти структуры носят название "National Institutions for the promotion and Protection of Human Rights", и на русский язык определение National переводят как «национальный». Однако в русском языке слово Национальный имеет несколько другой оттенок, и, как мне кажется, более верно будет перевести его в этом случае как "государственный".

Всемирная конференция призвала к созданию и укреплению таких государственных институтов, принимая во внимание "парижские принципы" и признавая право каждого государства самому выбирать наиболее подходящие формы таких организаций, основываясь на национальных (государственных) потребностях.

На следующий год в Страсбурге состоялась первая Европейская встреча государственных (национальных) правозащитных институтов, организованной Французским Национальным Консультативным комитетом по правам человека и Советом Европы. Основной темой обсуждения на ней была роль национальных правозащитных институтов в свете борьбы против расизма и ксенофобии. Вторая Европейская встреча обсуждаемых институтов состоялась в январе 1997 года в Копенгагене, роль принимающей стороны играл в этом случае Датский Центр прав человека.

Еще одна аналогичная европейская встреча состоялась в декабре 1999 г. в Будапеште - она называлась Региональная встреча независимых национальных правозащитных институтов (включая институт Омбудсмана), и созвана она была в рамках Пакта Стабильности для Юго-Восточной Европы - программы, появление которой было связано с постоянными очагами напряженности в этой части Европы, с попыткой недопущения возможности новых кризисов типа кризиса в Косово. Отметим, что уже в названии этой встречи выделен институт Омбудсмана.

Какие организации входят в обсуждаемое сообщество?

Остановимся на участниках январской встречи в Копенгагене, их список поможет нам понять, какие именно организации и структуры могут рассматриваться как национальные институты прав человека. Прежде всего это структуры из стран со стабильным демократическим режимом. Это организатор встречи - Датский Центр прав человека, далее, организатор предыдущей встречи в Страсбурге - Французский Национальный Консультативный комитет по правам человека; Институт Исследований публичной политики, Великобритания, Постоянная консультативная комиссия по правам человека, Северная Ирландия и Центр равенства малых этносов и противодействия расизму, Бельгия. Далее, это омбудсмены и сотрудники их офисов - Омбудсман Дании, Шведские Омбудсмены по проблемам инвалидов, детей и гендерного равноправия. Европейские страны, находящиеся в процессе демократического перехода представляли: Латвийский национальный

офис прав человека; Литовский центр по правам человека; Правовой информационный центр прав человека, Эстония; Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации; Комитет по вопросам прав человека и национальных меньшинств, Грузия; а также Омбудсмены и представители их офисов из Боснии и Герцеговины и Словении. Сюда же можно отнести и Мэра города Осиджек Злато Крамарика, представлявшего Парламентский комитет по правам человека и правам этнических и национальных сообществ Республики Хорватия.

Наконец, в совещании в Копенгагене участвовали представители стран азиатской части бывшего СССР - Рашит Мамедов, зам. директора Национального Института прав человека и демократии, он-же - председатель комитета Парламента Туркменистана; Сафарали Кеньяев, председатель парламентского комитета по законодательству и правам человека, Таджикистан; Акмал Саидов, директор Национального центра по правам человека, Узбекистан.

Участвовали во встрече и представители ряда Министерств иностранных дел, а также различных Европейских и международных организаций.

Анализируя этот список, мы видим, что в него органично входят и омбудсмены различного типа, т.е. этот институт является органической частью сообщества Национальных институтов по правам человека. Далее, далеко не все представленные на встрече организации удовлетворяют вышеприведенным Парижским принципам. Так, например, Правовой информационный центр прав человека из Эстонии является, насколько нам известно, типичной общественной правозащитной организацией, Комиссия по правам человека при Президенте РФ действует исключительно на основе президентских нормативных актов и т.д. Парижские принципы, таким образом, выступают скорее как ориентир, а не как жесткая ограничительная черта.

Функции национальных институтов

В своем выступлении в Копенгагене, Мортен Кьерум, директор этого Центра, выделил три основных функции национальных правозащитных институтов:

Мониторинг действий государственной власти с позиции соответствия международным нормам прав человека

Консультации государственным структурам

Информация и правовое просвещение

Рассмотрим подробнее эти направления.

1. Функция Мониторинга.

Наблюдение за государственной практикой соблюдения международных стандартов прав человека является ключевой функцией обсуждаемых национальных институтов. Прежде всего, это экспертиза законопроектов. Далее, это анализ практики реализации уже принятых законов. И здесь незаменимо сотрудничество с различными неправительственными организациями. Наконец, это возможность принимать и рассматривать индивидуальные жалобы по нарушению их прав от конкретных жителей. В реализации этих функций очень полезно мнение экспертов по

конкретным вопросам, создание различных экспертных советов и групп.

2. Консультативная функция,

Эта функция может быть реализована по крайней мере в трех направлениях: в связи с законодательным процессом (обращения авторов проектов нормативных актов всех уровней дать совет по тексту проекта); через неформальные встречи с представителями правительственных структур и, в третьих, путем работы экспертов-консультантов в составе правительственных делегаций на международном уровне.

3. Функция правового просвещения

Эта деятельность должна охватывать школьное образование - начиная с первого класса, а также подготовку юристов, судей, полиции и других государственных чиновников.

Национальные правозащитные институты и институт Омбудсмана

Как видно уже из анализа участников европейских встреч, в широком смысле институт Омбудсмана является составной частью сообщества национальных правозащитных институтов в широком смысле этого слова. Тем не менее, особенно в странах с устойчивым демократическим режимом, имеется определенное различие в направлениях их действий. Омбудсман имеет дело преимущественно с рассмотрением конкретных жалоб, в ведении процесса расследований жалоб, и на их основе их рассмотрения готовит предложения по улучшению системы государственного управления. Национальные институты, типа датского центра по правам человека или Французский Национальный Консультативный комитет по правам человека, более

концентрируются на анализе национального законодательства с позиции его соответствия европейским стандартам, на консультативной функции, а также на правовом просвещении. Именно поэтому в этих странах есть и вышеназванные Национальные институты и офис Модератора (Франция) и Омбудсмана (Дания) - и всем хватает работы.

Судя по опыту Дании существует и определенное различие и в финансировании деятельности этих институтов. Если офис Омбудсмана Дании с его 140 сотрудниками финансируется в основном за счет бюджета, то датский центр по правам человека с его 120 сотрудниками только на 20% финансируется из государственного бюджета (через Министерство иностранных дел), а остальная часть получается из других источников, в частности из грантов международных организаций.

Фрагменты переписки

Алексей Смирнов:

Александр, выступаю против сочетания «Государственный правозащитный институт», как неправильного и выражаю серьезное опасение такой вольной трактовкой термина, которая дезориентирует правозащитников, особенно молодых. Это опасная стратегия...

Мои аргументы:

Термин «правозащитник» родился в России как самоназвание диссидентов еще в 60-70-е годы, когда государство преследовало правозащитников, т.е. противостояло им.

В таком контексте, например, А. Сахаров – правозащитник, а Генеральный прокурор СССР – нарушитель прав и свобод.

Не так давно Генпрокурор публично назвал себя правозащитником; правозащитниками часто стали называть себя адвокаты и новые государственные уполномоченные по правам человека (как правило – бывшие советские чиновники). Идет вырождение, инфляция и подмена самоназвания диссидентов.

Я не уверен, что National можно перевести как “государственный”. Тогда было бы – State, Governmental!

По-моему, точнее перевести – “народный”, ибо ты правильно говоришь в сноске к приведенному выше тексту, что National имеет

значение в русском языке как именно национальный по принадлежности к КОНКРЕТНОЙ нации (русские, евреи, грузины...).

Я совершенно не уверен, также, что западные омбудсмены являются такими же чиновниками, как и наши Уполномоченные по правам человека.

Александр Сунгуров:

Прежде всего, надо понять, что развитие государственных правозащитных структур и органов является важной составляющей становления правового демократического государства (а не вторжением чиновников в поле деятельности правозащитников - общественников).

Во вторых, в реальных условиях современной России, в самих государственных структурах практически нет организованных групп или сил, целью которых было бы развитие государственной правозащиты.

Алексей Смирнов:

Вот куда приехали... Не просто режет глаз и слух, не эмоции работают — опасность в другом. Идет фатальная, наукообразная подмена. Вдвойне опасная, ибо подкупает несведующего читателя. И там правозащитники и сям, поди разберись! А тут еще речь пошла о какой-то госправозащите... С генеральным прокурором во главе, что ли?

Или других слов не нашлось? Третье отделение е.в. Канцелярии тоже считало себя патриотом, как и народо-землевольты, но как-то раходились. А тут — все в одну кучу. Эта терминологическая антиисторическая и даже антинаучная путаница, уверен, лишь чисто случайна?

Я немного работал последовательно с Ковалевым, Карташкиным, Мироновым.

Утверждаю - это типичные госконторы с мелкими отличиями и с тем общим, что обычно и есть атрибуты чиновничьих госструктур с их инертностью, борократизмом, пренебрежением к ближним на фоне защиты прав дальних.

Их надо всегда «чинить», напоминать, чей хлеб едят, работать с ними. Но назвать их правозащитниками - плюнуть на могилу Сахарова!

...

Закон это ограничитель (регулятор, нарушитель) естественного права. Блюстители закона и правоохранители должны охранять закон-ограничитель, а правозащитники — защищать права людей от произвола

этих самых блюстителей и охранителей, как и следует их называть. Да еще от законодателя, на более ранней стадии.

«Защищают» у нас, а на Западе активно (HR-activist) нападают на этих самых блюстителей и охранителей, когда те беспредельничают на деньги налогоплательщиков.

Александр Сунгуров:

Вот здесь надо разобраться. Твоя фраза "Закон это ограничитель (регулятор, нарушитель) естественного права" интересна, но не очевидна. Мне кажется, что сейчас можно говорить о естественном праве как об основе закона. Или о законе как о формальном выражении естественного права. Да еще надо выйти на общее понимание, что такое "естественное право" - известны первая, вторая, третья генерация естественного права. Поэтому, давайте сначала договоримся о терминах. .

Алексей Смирнов:

Подменять термины, вводить оруэлловский новояз стало модно. Были попытки то на халяву использовать имя Сахарова, зарегистрировать организацию под «скромным и новым» названием Правозащитное Движение, назвать любую ерунду Хроника текущих событий и т.д.

По ТВ передают, что Бородин узник совести...

«Не нарушай традиций!»

Слово правозащитник давнее выстраданное самоназвание. Зачем потакать бывшим брежневским жополизам?

Наработки и опыт старого демократического движения ученому негоже выбрасывать. В том числе и опыт уважаемых авторитетных личностей. Я учился у них, хорошо их знал и стремился быть похожим. Чего ж тут плохого?

Недавно в Музее Сахарова многоуважаемые говорили о его гении. Чем больше они пели, тем меньше было Сахарова. Когда подошла моя очередь, я сказал, что нам всем удобно считать АД гением, делать отсчет от его верхней планки вниз к нам, грешным и несовершенным, ибо тогда мы выйдем нормальными людьми. А я помню АД именно как совершенно адекватного нормального человека, и предложил опустить обе планки, посмотреть – где мы теперь....

Правда, у АД было, образно говоря, просто более высокое быстрое действие и точность нравственных, политических расчетов. Все

было на порядок-два лучше. Ну и что ж? Подумаешь, более совершенный компьютер! Но хочется иметь именно такой...

Александр Сунгуров:

Собственно, что есть цель, что главное? Прокричать «Не трогайте святого слова!!!», или, как заявлено в концепции изучения истории правозащитного движения, попытаться проанализировать явление правозащиты и подумать, как можно содействовать процессу перехода России к состоянию демократии участия. Да еще затем и предпринять конкретные действия по этому направлению.

...понятие правозащитник стало символом сопротивления коммунистическому режиму, причем сопротивления не насилием, а обращения к праву.

Алексей Смирнов:

Правильно!!! Надо изучить СЛОВО, прежде, чем им манипулировать! Кто сейчас знает тонны самиздата? Мы все сейчас как с нуля, как вчера родились...

Вот ты сам и показал пределы дефиниции...

Прошу — не играй с терминами, не вводи «староновых» понятий... Конечно, лестно быть автором новых находок и определений. Но в данном случае возникает не только путаница, но грех против истории...

Александр Сунгуров:

Отметим здесь исходную политизированность самого понятия "правозащитник", его некоторую двойственность и конспиративность. В своей статье «Участие правозащитников в политике и пределы их сотрудничества с властью»², я сделал попытку классификации типов правозащитников. К первой категории я отнес правозащитников с до перестроечным стажем, те, кто выступал за соблюдение прав человека еще в советское время, и, соответственно, подвергался за это репрессиям. Это, бесспорно, «золотой фонд» российского правозащитного движения, люди, в большинстве своем служащие камертоном и для других правозащитников, и просто для российских граждан.

Л.М.Алексеева, председатель Московской Хельсинской группы, ознакомившись с рукописью, предложила выделить в этой группе две

---

² Правозащитник. 2000, 1. С. 19-31.

подгруппы — правозащитников как таковых и тех противников советской власти, кто избрал правозащитное движение как форму антисоветской деятельности.

Действительно, многие участники первого митинга на Пушкинской воспринимали, на мой взгляд, свое требование соблюдения положений Сталинской Конституции как удобную форму борьбы с режимом, а вовсе не были ее горячими сторонниками. Они вели политическую борьбу, так как посягали на монополию власти определять правых и виновных, а идея защиты права как такового была для них скорее хорошим тактическим приемом.

Алексей Смирнов:

Простите, но это цитата из типичного допроса в КГБ в то время. Я это отлично помню. Именно гебешники втолковывали нам, что мы лишь прикрываемся правами человека, а сами...

Мы четко и ясно чувствовали отличие своей работы от политической, и много обсуждали это.

Резюме было: политика это задача достижения и использования власти. Кто из правозащитников мог тогда стремиться к власти? И мысли не было!

Да, были и другие оппозиционеры, оторванные от правозащитного (демократического) движения: Солдатов, Осипов, Огурцов, Саблин и др. Они и не скрывали политической направленности своих действий, создавали партии, ячейки и т.п. Им давали расстрельные статьи (не наши 190,1 или 70). Они резко выделялись среди «наших», т.е. «чистых» правозащитников, у которых были свои идеи и представления.

А говорить о ПОЛИТИЧЕСКИХ последствиях наших действий в то время (да и сейчас) могли все, даже дворники, на льду которых поскользнулся и помер генсек.

Еще раз простите, но Вы искажаете историю и здорово...

Я сам назывался политзаключенным, и меня это всегда смешило, ибо совершенно не разбираюсь в политике...

Александр Сунгуров:

Когда же уже в начале 90-х годов стал и создаваться первые партии демократического направления, в числе их лидеров также были многие правозащитники.

Алексей Смирнов:

«Многих» правозащитников в политике в то время не было. Даже слово «партия» вызывало немедленную рвоту, сказывалось прошлое... Даже некоторые из своих обрушились на А.Д. только за то, что депутатом стал, пошел во власть...

Самое странное, что Вы совершенно упускаете из виду люстрации. Можно привести массу примеров из соседних стран, где изучаемые процессы шли неизуродованно и правозащитники действительно как оставались, так и были таковыми всю дорогу. Там не приходилось мудрить с терминами и классификациями. У нас же все страшно перепутано, но конец клубка в люстрациях. Их не надо проводить Вам или мне, но из них надо исходить, о них заявлять, делать социомоделирование, наконец...

Александр Сунгуров:

Давай, все же, договоримся о понятиях. Можно предложить такие определения:

Исходя из самого слова, правозащитник — это тот, кто выступает защитником права. Возможно и такое определение: правозащитник — это тот, кто выступает сторонником реализации законов, совокупность которых и составляет само право. Однако во втором определении уже присутствует и определение самого права, понимаемого как совокупность существующих в стране законов. Такая трактовка права, принятая в рамках позитивистской концепции права, является далеко не единственной. Ему противостоит концепция естественного права, в которую органическим образом входит понятие прав человека, или естественных прав, которые даны человеку изначально, и никакому законодателю не дано право их нарушать. На мой взгляд, российское понятие «правозащитник» органически связано именно с естественной, а не с позитивистской концепцией права.

Определим теперь, что мы понимаем под словом «политика». Существуют многие определения политики, но мне ближе всего такое: «Политика — это взаимоотношения по поводу власти». Легко при этом видеть, что в это широкое определение попадает очень широкий круг организаций и процессов, в том числе и вся вышеотмеченная деятельность правозащитных организаций.

В более узком (и более распространенном) смысле под политикой понимают совокупность действий и отношений, направленных на получение или удержания власти. В условиях демократической политической системы (а также в процессе перехода к демократии) термин «заниматься политикой» означает участвовать в процессе выборов представительной или исполнительной власти в качестве кандидатов или членов их команд. ...

Алексей Смирнов:

Да. Но уже есть отличное определение: «политика это задача достижения и использования власти» (А. Празаускас, 1990 г.). Правозащитникам даже по уставам их организаций нельзя участвовать в политике.

Правозащитник – это тот, кто ненасильственно защищает людей от произвола властей.

Чего тут мудрить? Мне приходилось и гебешников и коммуняк защищать, как врачу, беспристрастно.

Александр Сунгуров:

Как же соотносится между собой правозащитное движение и политика? Из нашей новейшей истории мы видим, что многие известные правозащитники активно участвует в создании и деятельности политических партий, сами баллотируются и избираются в федеральные и региональные парламенты.

Алексей Смирнов

Во-первых, к счастью, очень немногие. И Настоящими правозащитниками они, наверное и не были. Во-вторых, их совсем не жалуют правозащитники-профи.

Александр Сунгуров:

Здесь я с тобой во многом согласен. Особенно если под политикой мы будем понимать политику в узком, общеупотребительном смысле слова, т.е. как совокупность действий и отношений, направленных на получение или удержания власти. Именно о таком поле действия политических акторов говорят как о политическом поле. На мой взгляд, это поле существенно отлично от поля действия правозащитных организаций, и смешивать их – значит наносить урон обоим.

Остановимся теперь на характере взаимодействия правозащитных организаций и властных структур. В моей статье в журнале «Полис»³, посвященной, в частности, анализу характера взаимоотношений с властью различных общественных организаций, возможность партнерских отношений с властью для правозащитных организаций была оценена как наименее вероятная по сравнению с другими общественными организациями. Действительно, главная миссия правозащитных организаций - выявление случаев нарушения прав человека, защита этих прав и контроль деятельности государственных структур не может вызывать симпатии и желания сотрудничать у большинства чиновников исполнительной власти, и пока лишь немногие избранные политики понимают важность для демократического государства подобной правозащитной деятельности. Для большинства же чиновников эти организации - лишь помеха в их работе.

Алексей Смирнов:

Не для чиновников, а для их института. Отсюда и вытекает определение правоЗАЩИТНИКОВ от института власти, нарушающего право.

Снова. Этот институт, механизм госвласти, состоящий из чиновников, должен блюсти закон, ограничивающий наши права, но делает это плохо не потому, что хочет этого, а потому, что как любая машина работает со сбоями, и, как любой механизм, требует постоянного ухода, контроля, замены деталей, ТО, иногда даже дублирования функций. И мы, правозащитники, выступаем как наладчики-контролеры этого самого механизма, от которого зависит наша жизнь. Продукт работы машины, здесь, такое сбалансированное соблюдение прав, которое гарантирует стабильное развитие общества при максимально возможной широте наших прав. Но механизм наш плохой и старый, все время сбивается на понижение уровня прав, ибо такова его природа, ибо сам он при понижении наших УВЕЛИЧИВАЕТ СВОИ ПРАВА, не совпадающие с нашими, общественными. Я инженер, технарь, но такие аналогии, думаю, уместны. Мне кажется легче видеть и наглядно показывать макропроцессы и механизмы, а не сбиваться в детализацию,

---

³ Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России. // Полис, 1999, 6, с. 34-48.

когда за деревьями не видно леса. Иначе, мы уходим в ненужную классификацию чиновников, правозащитников и т.д.

Существует еще одна проблема – это неизбежный выбор меж подлецом-профессионалом и порядочным дилетантом. Этот выбор везде и в полный рост. И проблема эта историческая, ибо лучшие погибают первыми, их на моих глазах убивали. Шел антиотбор.

Палач Черкесов у власти (привет Питеру!) - правомерный итог. Я пять лет наблюдал в администрации Президента работу демократов и профбюрократов. Сравнение далеко не в пользу первых!

Ельцину просто некого было брать, кроме подлецов, если он хотел профессионализма, чтобы хоть что-то сделать

Александр Сунгуров:

Мне кажется, что это все же ложное противопоставление. Думаю, что настоящий Профессионал - порядочен. Другое дело, что их очень мало. Но все же есть.

Алексей Смирнов:

А вот это утверждение... даже не подберу слова, а! **ФУНДАМЕНТАЛЬНО!!!** Я сразу подумал о профессиональном киллере. Да хоть говночисте. Эта твоя максима не просто спорна. Тут глубочайшее расхождение со всей философией и этикой нашего правозащитного движения как до перестройки, так и после. Давай крепко подумаем над этой темой вместе.

Физика Сахарова упрекали в политическом дилетантизме. И, видимо, справедливо. Я до сих пор не уверен, что АД знал или достаточно хорошо разбирался, например, в нацвопросе. А Солженицын в политике. Да и вообще почти все диссиденты-правозащитники, например, не юристы. Но дилетантизм этот оценен и тюрьмами, и Нобелевской премией.

Александр Сунгуров:

Я говорю о современной ситуации, когда никто нам не мешает узнать, что наработано человеческой мыслью на любую тему. Собственно, за это вы с вашими товарищами и боролись. Спасибо. (говорю без иронии). Так надо же этой возможностью пользоваться, если еще есть внутренний ресурс!!! –

Возвращаясь к названию «государственные правозащитные организации», собственно, и вызвавшему нашу дискуссию, готов согласиться со спорностью термина. Но - предложи лучше. (Буду благодарен). Действительно, существуют правоохранительные структуры (оставляю в стороне количество в них бюрократов или преступников-садистов, беру в идеале) - они и есть, как ты пишешь — «Блюстители закона. Прокуратура также стоит в этом ряду.

Однако в российском праве, наконец, возрождается концепция естественного происхождения права - и в идее Правозащиты стоит именно концепция Естественного права! И как результат этих изменений, появляются государственные структуры, в основе деятельности которых - именно идеи Естественного права. Не карательные, а с функциями колокола. И дело уже общества - заставить власть услышать этот колокол. Как сказал один перуанский омбудсман: «Наш институт - часть государства, но не правительства»

Что же до осквернения термина - давайте быть реалистами, и понимать, что сейчас уже есть РАЗНЫЕ типы правозащитников⁴ Повторяю, для меня правозащитник - это человек, понявший, что в основе законов должно лежать естественное право, и что эти законы должны выполняться, и делающий для этого хоть что-то. А теперь - дай твоё определение!!!

Алексей Смирнов:

Да, это спор о терминах. Но из того, что правозащитники бывают разные, вовсе не следует, что среди этих разных есть и менты-«правозащитники» по службе. М.б. это и есть водораздел, когда зарплата идет из госбюджета, когда человек госслужащий и тогда он не может называться правозащитником? Повторяю, правозащитник это еще и исторический термин и им пользуются до сих пор как самоназванием новые правозащитники, которые вовсе не применяют его к госчиновникам, а Вы, почему-то взялись... Ну, обидите людей, запутаете молодых... Вам это надо? Для науки?

Александр Сунгуров:

...Существует принципиальная разница между Правоохранительными структурами и институтом Омбудсмана. Не

---

⁴ Правозащитник. 2000, 1. С. 19-31.

случайно между прокуратурой и этим институтом существует конфликт. Поэтому этот термин не проходит.

Алексей Смирнов:

Напоминаю, что был экспертом у Ковалева, Карташкина, а сейчас экспертом по Миронову (не по правам!), видел и наших региональных оперуполномоченных по правам человека. Аппарат Миронова, например набит оставшими прокурорскими и мвдшными чиновниками, которые просто пересели в другие кресла. Это не просто посторонние для правозащиты люди – антиподы! Там работает какая-то закономерность, которую и нужно определять. И никакие они не правозащитники. Да еще “Государственные”!

* * *

Эта дискуссия далеко не закончена, однако оба ее участника уверены в одном: расхождение в конкретных позициях не является препятствием для совместной деятельности, направленной на развитие гражданского общества и становления правового российского государства. Мы надеемся также, что высказанные в ней положения окажутся интересными как активистам общественных движений, так и ученым, пытающимся разобраться в непростых проблемах современной России.